

же, каким он является и сегодня, а, следовательно, он будет чувствовать и действовать так, как и теперь. Что касается любви, то здесь имеет значение вера в собственную любовь, ее способность возбуждать любовь в другом человеке, и в ее постоянство».

Итак, ни один человек на свете не должен думать, что ему не дано любить. Каждому из нас есть к чему стремиться, мы не имеем права опускать руки, так как от нас зависит наше будущее и будущее наших чувств и отношений. Наша задача доказать всем, кто не верит, что любовь – это величайшее искусство, которому нужно учиться и передать это умение следующим поколениям.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА СУИЦИДА

С.С. Иванов

Научный руководитель – *А.Ю. Опарин*

Белорусский национальный технический университет

Каждый человек хоть раз в жизни был в ситуации, когда самоубийство представлялось лучшим выходом из создавшегося положения. По счастью, мало кто решался переступить эту грань, когда тело, этот «большой разум», приходилось обманывать в его стремлении во что бы то ни стало жить, и безжалостно расправляться с ним через обретение абсолютной свободы в смерти. Мысль о смерти не дана человеческому сознанию, и, по верному замечанию А. Камю, мы имеем только «опыт смерти других».

В «Исповеди» Л.Н. Толстой писал: «Мысль о самоубийстве пришла мне так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни. Мысль эта была так соблазнительна, что я должен был употреблять против себя хитрости, чтобы не привести ее слишком поспешно в исполнение... и это сделалось со мной в то время, когда со всех сторон было у меня то, что считается совершенным счастьем...». Источником кризиса было четкое осознание невозможности искренней веры в Бога, понимание полной бессмыслицы бытия природы, обрекающей все свои творения на неизбежную смерть; невозможность рациональным путем ни доказать, ни опровергнуть адекватность миру столь личностного запроса о смысле жизни. «Положение мое было ужасно. Я знал, что ничего не найду на пути разумного знания, кроме отрицания жизни, а там в вере - ничего, кроме отрицания разума, которое еще невозможнее, чем отрицание жизни», - уточнял Толстой.

Этот страшный путь сознательного суицида очевиден и безжалостен в наготе своей экзистенциальности. Всякий пишущий о самоубийстве осознает свою личную причастность к борьбе двух «Я», вариативно выражающейся в столкновении реальности с идеалом, бессмысленности объекта – со смысловой структурой субъекта, телесной временности – с когнитивной вечностью, волевой безудержности – с ограничительной силой поступка. Всякий, заявляющий своеволие в сознательном суициде, хотя бы на «дне» своей спрятанной рассудочности осознает мелкость, наивность и театральность собственных притязаний на функции бога. Показательно, что многие самоубийцы задаются вопросом о некоем фундаментальном моменте человеческой несвободы: «...В самом деле: какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов... какое право она имела производить меня, без моей воли на то, сознающего?... я все-таки должен... принять страдание в виду гармонии в целом и согласиться жить».

При этом основной источник ощущения себя несчастным для будущего самоубийцы – это его собственное сознание, т.к. именно оно «задает беспрерывно вопросы» и обнаруживает грозящий «завтра нуль», т.е. смертность человеческой природы.

Подводя итоги, можно отметить следующее: суицид, являясь устойчивым в демографическом отношении явлением, имеет преимущественно индивидуальные корни. Суицид поднимает вопрос о вере как особой форме целостного знания, сопрягающего в себе интеллектуальную созерцательность и поведенческую активность (из этого проистекает неслучайность интереса американского прагматизма и русской религиозно-философской мысли, прагматичной по существу, к вопросам «второго рождения сознания»). При этом, как

представляется, суицид преодолит, решение данной проблемы не безнадежно, если вспомнить, что почти в 80% случаев самоубийство – это результат дееспособной воли и рационально заостренного сознания. Конечно, поднимаемые в докладе вопросы веры только обозначены, но правильно выбранный путь решения проблемы – это уже наполовину ее решение.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Т.Б. Кравчук

Научный руководитель – к.ф.н., доцент *Р.Н. Дождикова*
Белорусский национальный технический университет

История политических идей в философии – одна из важных составных частей духовной культуры человечества. В ней сконцентрирован громадный опыт прошлых поколений, отражены основные направления и итоги предшествующих исследований проблем свободы, политики, государства; она позволяет понять, как в борьбе и столкновении различных воззрений и позиций одновременно шёл процесс развития познания природы государства, форм и принципов взаимоотношений личности и власти.

Возникнув в условиях деления людей на свободных и рабов, античная политическая мысль сформировалась и развивалась как идеология свободных. Свобода – вот главная фундаментальная ценность, главная цель усилий и основной предмет древнегреческой политической теории и практики. Размышляя о счастливой жизни, которой достоин человек, философы связывали её с достижением идеального государства.

Платоном идеальное государство трактуется как максимально возможное воплощение мира идей в общественно-политической жизни. Мир идей – вечно неизменный божественный проект изменчивого человеческого мира. Истинное познание – познание мира идей. В этом смысле для Платона, испытавшего значительное влияние Сократа, идеал в плане практической политики означал обоснование принципа компетентного правления, а в плане теоретическом – попытку выявить и сформулировать нравственно разумную основу и сущность государства.

Также влияние Сократа сказывается и на политической науке Аристотеля, для которого, как и для Платона, государство представляет собой «общение подобных друг другу людей в целях возможно лучшего существования». Но Аристотель критикует платоновскую попытку «сделать государство чрезмерно единым». Он считает, что государство состоит из множества элементов, чрезмерное стремление к их единству, например, предлагаемая Платоном общность имущества, жён и детей, приводит к уничтожению государства.

Эпоха Возрождения рождает иные подходы к проблеме государства: Н. Макиавелли приходит к выводу, что республики предпочтительнее монархий, ибо они предлагают широкий спектр характеров, которые могут адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Единовластие, по его мнению, необходимо при создании и реформировании государства, а республиканское правление является лучшим для поддержания государственной власти. К этому выводу он пришёл, оценивая такие качества политика, как гибкость, смелость и самоуверенность, т.е. те качества, от которых, по его мнению, будет зависеть его успех. Но так как эти качества можно редко найти в одном человеке, то он отдаёт предпочтение республикам. Томас Мор считает, что процветание государственных дел возможно лишь в условиях, когда высший носитель власти будет глубоко образованным философом и морально безупречным человеком. Он убеждён, что «от правителя, как из какого-нибудь неиссякаемого источника распространяется на весь народ доброе и злое».

Как достичь счастливой жизни, и какие формы государства больше этому способствуют – все философы понимали это по-разному. Почти все они исключают и порицают частную собственность, для идеальных государств производят разделение труда. В некоторых проектах идеального государства сохраняется рабство. Но одно обстоятельство их роднит: все свои политические идеи они развивали на основе обобщения практики организации общественной жизни античного полиса.